

УКРУПНЕНИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ПРОЦЕССА

Начавшийся процесс укрупнения субъектов Российской Федерации является закономерным в построении реального с экономической точки зрения федеративного государства. Можно предположить, что завершена административно-политическая стадия этого процесса, заключающаяся в наделении бывших административных структур РСФСР статусом субъекта Федерации, и наступил экономический этап, на котором эти субъекты формируются с учетом экономических (причем не только бюджетно-финансовых) критериев.

Первоначально экономический контекст нового этапа федеративного строительства был задан формированием федеральных округов, районирование которых определяется размещением объединенных электроэнергетических систем единой энергетической системы (ЕЭС) России. По-видимому, эта первоначальная экономическая рамка будет сохранена в дальнейшем, поскольку сохранение и развитие этой базовой инфраструктуры важны для экономики страны и ее регионов. Логично также предположить, что с учетом энергетической самодостаточности (бездефицитности и комплексности) будут формироваться укрупненные субъекты Федерации, дополнительно интегрирующие региональные энергосистемы как первичные звенья ЕЭС с использованием преимуществ развития в общем «энергэкономическом» пространстве.

Однако в содержательном, концептуальном аспекте укрупнение субъектов Федерации, на наш взгляд, следует рассматривать как выражение целого комплекса переходных (кризисных) процессов в российской экономике, обществе и государстве, характерных и для большинства лидирующих стран мира. В их числе укажем переход:

- от индустриальной к постиндустриальной (информационной) стадии развития хозяйства;
- от геополитического к геэкономическому типу межгосударственного взаимодействия;
- от административного к инновационному типу управления экономическими системами

на основе развития их человеческого капитала и др.

Следовательно, процесс формирования укрупненных субъектов Федерации можно рассмотреть как сочетание двух составляющих общего процесса геэкономической трансформации экономического пространства России. Первая составляющая — это образование геэкономических регионов, а вторая — формирование слоя муниципальных образований и органов местного самоуправления.

Укрупненные на экономической (точнее, геэкономической) основе субъекты Федерации предлагается рассматривать как подсистемы геэкономических регионов, под которыми понимается территория страны, развитие которой с применением методов государственного регионального программирования направлено на укрепление внутренней интеграции ее хозяйства и ее эффективное взаимодействие с зарубежными странами в определенном геэкономическом направлении на основе транспортных, энергетических и других глобализированных инфраструктур и комплексов рационального ресурсопользования.

В исследовании теоретических основ, форм, механизмов и стратегий процесса укрупнения субъектов Федерации как проявления межрегиональной экономической интеграции в современных условиях, на наш взгляд, следует выделить в качестве базовых четыре концепции: структурных сдвигов в условиях технико-экономической неоднородности народного хозяйства (Ю.В. Яременко); территориально-производственных комплексов — ТПК (М.К. Бандман, А.Г. Гранберг и др.); международной конкуренции включая положения об этапах эволюции конкурентоспособности и кластерах конкурентоспособных производств (М. Портер); геэкономических регионов (автор данной статьи). Синтез этих базовых, на первый взгляд, весьма разнородных подходов возможен в рамках общего геэкономического направления, например при разработке новой концепции образования интегрированных эко-

номико-административных структур включая края (краевые структуры).

Формирование системы управления народным хозяйством страны на муниципальном уровне следует рассматривать как создание первичных структур (ячеек) геоэкономических регионов, в которых происходит воспроизводство человеческого капитала территорий. Формирование органов местного самоуправления в этом аспекте должно осуществляться как процесс «вызревания» и проявления совокупности социальной, экономической, политической и иной творческой (инновационной) активности населения. Создание такой активизационной среды (подобно активной зоне атомного реактора) достигается путем соединения множества форм самодеятельности, самоорганизации населения, с одной стороны, и деятельности органов местного самоуправления, их организаций и учреждений — с другой. В частности, формирование информационной инфраструктуры местного самоуправления приводит к образованию виртуальных органов самоуправления, составляющих, в свою очередь, комбинации виртуальных структур регионального уровня.

Эволюция систем управления геоэкономическими регионами и их структурами различного уровня, по нашему мнению, проходит в направлении от квазикорпораций (с использованием всего арсенала стратегического управления корпоративными структурами) через виртуальные корпорации к реальным финансово-промышленным структурам территориального развития, их сетям.

Формирование укрупненных субъектов Федерации, по нашему мнению, может происходить в двух основных направлениях. Первое — простое, механическое объединение индустриального лидера и аграрных национальных округов в границах прежних административных структур РСФСР. Такой вариант использован при объединении Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край, а также Красноярского края, Эвенкийского и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономных округов. Известны намерения объединить по такому же варианту Иркутскую область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Такого рода сочетания характерны для северных и восточных районов России.

Второе направление подразумевает объединение субъектов Федерации, не состоявших ранее в подобных административных сочета-

ниях, исторически развивавшихся как губернии. Для групп (ассоциаций) областей и республик такого рода, на наш взгляд, полезно формирование на первой стадии ассоциированных субъектов Федерации. В такой модели нынешние «первичные» субъекты РФ образуют ассоциации, которым делегируется ряд полномочий от областей, краев, республик и которые, в свою очередь, наделяются дополнительными полномочиями со стороны федерального центра.

При этом надобность в институте федеральных округов отпадает, поскольку в рамках таких ассоциаций возможно и осуществление надзорных функций со стороны уполномоченных представителей Президента РФ. Благодаря этому происходит диалектический синтез ранее сложившихся межрегиональных ассоциаций («Большая Волга», «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье» и др.) и нынешних федеральных округов в структуры, имеющие не политико-административную (по сути, волевою, инициативную), а государственно-правовую природу в рамках процесса федеративного строительства, отвечающие историческим и территориальным особенностям современной России.

Наибольшую сложность на данном, начальном этапе концептуального осмысления указанных мезоструктур, по сути, второго, опосредующего звена государственного управления, вызывает вопрос о статусе этих структур и прежде всего о формировании общих бюджетов и бюджетных фондов. Это автоматически потребует образования законодательных и исполнительных органов, что значительно осложнит и без того противоречивую систему государственного управления страной. С другой стороны, отсутствие полномочий по формированию и регулированию финансовых потоков делает эту ступень заведомо избыточной, сугубо согласительной, координационной, надзорной.

Выход видится, во-первых, в том, чтобы в рамках этих структур сосредоточить управление федеральными программами социально-экономического развития макрорегионов, т.е. сконцентрироваться на межрегиональном (в отношении нынешних субъектов Федерации) аспекте управления экономикой. Во-вторых, возможно образование целевых фондов финансирования из федерального бюджета деятельности многих федеральных служб в сфере природопользования, что существенно уси-

ливаает возможности концентрации и перераспределения этих средств в соответствии со складывающейся оперативной ситуацией. Примером может служить финансирование лесного хозяйства, геологоразведочных работ и др. В-третьих, целый ряд инфраструктурных объектов национального значения имеет именно межрегиональное управление (российские железные дороги, объединенные энергосистемы). Здесь возможен поиск форм координации федеральных и отраслевых программ межрегионального взаимодействия.

В частности, не имеющий на сегодня удовлетворительного решения вопрос об обеспечении Республики Бурятия электроэнергией по тарифам, аналогичным тарифам в иркутской энергосистеме, может быть решен при формировании объединенной (в рамках Восточно-Сибирского края) энергосистемы, охватывающей Иркутскую, Читинскую области и Республику Бурятию, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятский автономные округа. Имеются возможности создать кольцевые транспортную и энергетическую системы, охватывающие данные регионы. Это важно для решения проблем хозяйственного освоения и развития северных территорий. Общей проблемой, связывающей наши три региона, является охрана и рациональное использование ресурсов оз. Байкал. В частности, речь идет о формировании интегрированных туристических маршрутов, создании самостоятельного санаторно-курортного комплекса, развитии индустрии мирового значения по разливу и доставке столовых и лечебных вод.

Проектом национального значения, на наш взгляд, является создание в Восточной Сибири центра черной металлургии на основе современных бездоменных технологий и производства электростали. Этот центр сможет заместить уральскую металлургическую базу, не имеющую собственных ресурсов руды и топлива. Фактически, речь идет о создании в Восточной Сибири самостоятельного промышленного центра, способного выпускать весь спектр индустриальных продуктов. Такими центрами в настоящее время являются Центральный и Уральский экономические районы. Решение этой задачи диктуется необходимостью эффективного объединения хозяйства Восточной Сибири с хозяйствами сопредельных стран, а также решения стратегической проблемы наращивания на востоке России демографического потенциала.

Для решения последней из названных задач следует применять критерии не экономической (рыночной), а военно-политической эффективности. Иначе говоря, эффективность создания здесь новых рабочих мест диктуется альтернативой утраты Россией в перспективе контроля над своими восточными территориями.

Перечень причин, объясняющих необходимость создания для восточных регионов особых условий с целью их ускоренного социально-экономического развития на основе инвестиций, может быть продолжен. Ключевое значение для формирования здесь адекватного финансово-экономического механизма имеет создание структуры Центробанка, уполномоченной контролировать специальную кредитную эмиссию под проекты крупномасштабного промышленного и транспортного строительства национального значения.

Большинство современных краев сложилось как окраинные приграничные регионы особого значения для обеспечения безопасности страны с применением институтов генерал-губернаторства и казачества. Примерами здесь являются Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский и Приморский края (исключение составляет, пожалуй, лишь Красноярский край, имевший до революции 1917 г. название «Енисейская губерния»). По-видимому, этот исторический опыт образования в административной структуре российского государства особых регионов (генерал-губернаторств, казачьих округов и др.) может быть использован и в процессе современного федеративного строительства.

Укрупненные регионы, не относящиеся к категории краев, т.е. не имеющие приграничного положения, также вправе образовывать объединенные структуры мезоуровня (субфедеральные ассоциации). Основное отличие здесь видится в том, что в отношении краевых структур действуют особые положения в проведении миграционной политики, в формировании транспортных, энергетических тарифов, создании краевых представительств за рубежом, финансировании программ развития инфраструктур, использовании иностранных инвестиций, создании совместных предприятий, особых экономических зон и др.

В этой конструкции, например, геоэкономический регион БАМ–Транссиб может быть представлен двумя краевыми структурами: Восточно-Сибирским краем и Дальневосточной республикой, что, особо заметим, соответствует и принятому делению этой части Транс-

сиба на два одноименных региональных управления. Название «Дальневосточная республика» отражает, на наш взгляд, не только исторический прецедент существования этого государства в составе РСФСР в период гражданской войны и необходимость сохранения исторически сложившихся «топонимов» территорий — краев на Дальнем Востоке, но и право населения российских территорий образовывать субфедеральные структуры республиканского типа (до сих пор по советской инерции имеют место лишь национальные республики). Кроме того, этот регион действительно нуждается в более «солидном» представительстве за рубежом с предоставлением ему центром дополнительных (даже в сравнении с другими намечаемыми краевыми структурами) полномочий с целью более эффективного взаимодействия с регионами зарубежных стран и с самими иностранными правительствами. Примером здесь могут служить широкие внутренние и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья.

Формирование Восточно-Сибирского края может иметь целый ряд положительных эффектов для развития хозяйства Иркутской, Читинской областей и Республики Бурятия. Прежде всего, это позволит, на основе использования механизмов государственного регионального программирования, более интенсивно развивать транспортные и энергетические инфраструктуры. В первую очередь речь идет о координации процессов освоения природных ресурсов, развития базовых отраслей хозяйства включая энергетическую, транспортную, лесную, горнодобывающую, металлургическую и другие отрасли промышленности в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали. Кроме того, усиливаются возможности хозяйственной экспансии предприятий Восточной Сибири на рынки сопредельных стран, в первую очередь Монголии и Китая.

Сказанное в полной мере относится и к Дальневосточному региону, также нуждающемуся в современном периоде в особом режиме социально-экономического развития.

Н.В. МАЛЬЧУКОВА
кандидат философских наук,
доцент Иркутского государственного университета

ИСЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА КАК ОСНОВАНИЕ ОБОБЩЕННОЙ ТЕОРЕТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Исследования в области философии языка в настоящее время обнаруживают тяготение к такой общей ориентации, в основе которой лежит обращение к явлениям сознания, призванным объяснить как реальные, так и перспективные реализации языка. Многолетнее неприятие концептуализма, кладущего в основу объяснения функционирования языка мыслительные процессы, сейчас все явственнее сменяется признанием того, что без обращения к явлениям сознания и мыслительных процессов вряд ли возможно адекватное объяснение природы языка и его многообразных реализаций. Говоря иными словами, изгнание психологизма, ранее имевшее место не только в логическом анализе языка, но и в теоретической лингвистике, сменяется реабилитацией его методологических возможностей.

Как шаг на пути к преодолению тавтологического понимания языкового употребления (когда значение выражений объясняется их

употреблением, а употребление — самим конкретным употреблением) это явление заслуживает положительной оценки. Однако сразу же обнаруживается, что необходимо удовлетворительное объяснение оснований функции сознания и мыслительных процессов. А так как это объяснение непременно возвращает нас к учету принципа единства языка и мышления, то становится понятно: чтобы избежать возможности новых тавтологий, следует выйти на соответствующее преобразованное истолкование как оснований сознания, так и языка. Имеет смысл искать такое истолкование на путях использования общесемиотической трактовки понятия «язык» (ею охватываются как лингвистическая форма языка, так и долингвистические его разновидности), а также принятие во внимание универсальности исчислительных процедур, связанных с преобразованием и получением информации в рамках любых нервных процессов. Начнем реинтерпретацию